



КРАЕВАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА
Пермской краевой общественной организации Союза писателей России
при поддержке Министерства культуры, молодёжной политики и массовых коммуникаций Пермского края

№ 2 (20)
8 апреля 2016 года

[литературные вести]

■ РУССКИЙ МИР

ГОД РОССИЙСКОГО
КИНО 2016

ФЕСТИВАЛЬ «ЗОЛОТОЙ ВИТЯЗЬ В ПЕРМИ»: КОНКРЕТИКА ДЕВИЗА

«...Русский я.
Я буду третьим.
Где двоих ещё найти?»
Анатолий Гребнев



Николай БАПМАКОВ
Союз писателей России,
Пермский край

Фестиваль (проходил 23–27 марта 2016 года), его название, тема и девиз уже говорят о том, что русское самосознание просыпается, Русский мир крепнет.

Тот путь развития, которым идёт земная цивилизация, очевидно ошибочен. Человек в условиях непрерывно развивающегося технического прогресса не стал лучше. Разум победил животное начало в области техники, а в духовной сфере всё сильнее побеждает рабская психология. Психология животного. Большинство людей живёт исключительно для удовлетворения физических потребностей и ради развлечений. Такой путь развития вполне устраивает тех, кто правит земным миром. Но их совершенно не устраивает высокая духовность, которая ещё сохранилась в Русском мире.

Мы часто употребляем выражение «Русский мир», не задумываясь, что оно означает. Слово «русский» относим к коренной национальности, которую правильнее будет называть Руссами или Великороссами. Русский – отвечает на вопрос «какой?» Это не этническое понятие. Оно характеризует мировоззрение. Не важно, какой ты национальности и к какому принадлежишь племени и народу, если мыслишь и живёшь по-русски, ТЫ – РУССКИЙ! Поэтому Запад не делит нас на национальности. Для них мы все русские, то есть люди с иным, отличным от западного мира мировоззрением.

Противостояние Западного мира с Русским длится много веков. Противник делал всё, чтобы мы забыли, что мы русские, что мы славяне, то есть люди, славившие своих Богов. И мы многое забыли. Сегодня, чтобы вернуться к духовным корням предков и укрепить Русский мир, предстоит коренной поворот в сознании. Остановилось только на трёх направлениях.

Первое направление. Необходимо восстановить истинную историю Руси, мораль и духовные заповеди наших предков. У русских сильная генетика, но мы очень доверчивы. Поэтому историю нам легко подменили.

Историю, которую мы признаём за официальную, при Романовых написали немцы: Готлиб Байер, Герард Миллер, Август Шлёцер, Арист Куник. Двое из них совсем не знали русского языка. Даже «Историю Российскую с самых древних времён» Татищева и книгу по истории Ломоносова правил и издавал после смерти авторов Герард Миллер.

К слову сказать, переписана не только история Руси, но и всего человечества. Уничтожение рукописей, летописей и артефактов, которые не укладываются в официальную версию, ведётся не первое тысячелетие.

Окончание на стр. 2. ►

■ СЛОВО РОССИИ

ЭТО СНОВА НЕБЕСНАЯ БИТВА

ЩУКА

Ворюга! Сегодня ты пьёшь из горла.
Трубят твои медные трубы.
Державная щука навек умерла.
Остались ракетные зубы.

Не зарься на русский великий покой,
Пусть он остаётся за нами.
Пусть щука издохла. Не трогай рукой,
А то она клацнет зубами.

ПРИЗЫВ

Туман остался от России
Да gray вороний от Москвы.
Ещё покамест мы живые,
Но мы последние, увы.

Шагнули в бездну мы с порога
И очутились на войне,
И услышали голос Бога:
– Ко Мне, последние! Ко Мне!

Что мы делаем, добрые люди?
Неужели во имя любви
По своим из тяжёлых орудий
Бьют своим... неужели своим?

Не спасает ни чох, ни молитва,
Тени ада пользуют в Кремле.
Это снова небесная битва
Отразилась на русской земле.



Юрий КУЗНЕЦОВ
Союз писателей СССР/
России

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Шёл отец, шёл отец невредим
Через минное поле.
Превратился в клубящийся дым –
Ни могилы, ни боли.

Мама, мама, война не вернёт...
Не гляди на дорогу.
Столб крутящейся пыли идёт
Через поле к порогу.

Словно машет из пыли рука,
Светят очи живые.
Шевелятся открытки на дне сундука –
Фронтовые.

Всякий раз, когда мать его ждёт, –
Через поле и пашню
Столб клубящейся пыли бредёт,
Одинокий и страшный.

Поэзия есть свет, а мы пестры...
В день Пушкина я вижу ясно землю,
В ночь Лермонтова – звёздные миры.
Как жизнь одну, три времени приемлю.

Я знаю, где-то в сумерках святых
Горит моё разбитое оконце,
Где просияет мой последний стих,
И вместо точки я поставлю солнце.

■ ЛИТЕРАТУРНЫЙ С.П.РОСС

АВТОРУ – ДОРОГУ

Книга для писателя — всегда результат труда: долгого, часто мучительного, лишь иногда счастливого. Книга для читателя — всегда открытие, некий источник: знаний, сравнений, эмоций...



В конце 2015 года Пермская краевая организация Союза писателей России запустила в свет новую серию книг для авторов, публиковавшихся в альманахе «Литературная Пермь» — «Библиотечка альманаха «Литературная Пермь».

Первый том — сборник стихов пермского писателя, врача и педагога Михаила Ивановича Давидова «Далёкая звезда». Отзыв о книге можно прочитать в газете «Пермский писатель» № 1 (19) за 2016 год.

Второй том, вышедший в начале 2016 года, — сборник стихов пермского автора Наталии Гумеровой. В предисловии к книге пермский поэт и руководитель литературной студии «Тропа» Фёдор Сергеевич Востриков сказал: «Мне всегда приятно работать с теми молодыми авторами из литературной «Тропы», которые много читают классическую и современную литературу зарубежья, России и Пермского края, прислушиваются к замечаниям и советам, к подсказкам и детальным разборам своих произведений. Как правило, такие авторы, улучшая и углубляя свои творения, со временем, несомненно, быстрее и ярче растут творчески. К ним я, конечно, отношу и Наталию Гумерову».



про третьеклассника Петьку Ёжикова и его друзей» — такой же приключенческой и сказочной повести, как первая — юные и взрослые читатели также не разочаруются, — книга настолько захватывает, что читается буквально на одном дыхании.

Хочется пожелать пермским писателям и Пермской краевой организации Союза писателей России больше новых книг, изданных как в сериях, так и отдельными сборниками — разных: прозаических, поэтических, детских, литературоведческих — самое главное: настоящих источников знаний и чувств.

Анна СНЕГИНА, г. Пермь

бирать землянику – неудивительно, что наша местность показалась Достоевскому землей обетованной.

Но самое пронзительное воспоминание, конечно, – о том периоде, когда он «промерзал до сердца».

Ранее улица Достоевского находилась в Рабочем посёлке. Любопытный момент: в начале 1940-х, скорее после воссоединения гг. Перми и Мотовилихи (несколько лет она называлась Молотово) и включения в городскую черту рабочего посёлка Лёвшино, – пришлось переименовывать целый ряд улиц. Так вот: по Молотовскому району (ныне Мотовилихинскому) ул. Луначарского переименовали в ул. Достоевского, но она исчезла в 1970-е гг. в ходе реконструкции и застройки микрорайона.

И вот теперь имя русского классика вновь возвращено на карту города... вместо имени того же советского наркома культуры. Напомним: основная ул. Луначарского остаётся с прежним названием. В данном переименовании есть глубокая внутренняя логика, смешанная с чёткой архитектурой замысла и с долей исторической мистики. Дело в том, что 2-я Луначарская представляет собой короткую одностороннюю улицу в Разгуляе, напротив бывшего тюремного замка, ныне СИЗО. Как сказал глава Ленинской администрации: чтобы при названии улицы все помнили, что есть преступление и есть наказание. Что касается размеров улицы, то улице Достоевского суждено быть пермской улицей Росси (самая короткая улочка в С.-Петербурге). На данный момент почти все два квартала ул. Достоевского застроены старыми деревянными домами и только в начале ул. Достоевского стоит каменная многоэтажка.

Р. S. Пермская краевая организация Союза писателей России, общества Ф. М. Достоевского и «Пермский краевед» планируют в год юбилея русского классика установить бюст писателя (место конкретизируется), а также мемориальную доску в честь писателя. Наиболее подходит для этого здание бывших конвойных рот по ул. Сибирской, 37, – памятник архитектуры местного значения. Неизвестно точно, здесь ли конкретно содержали партию кандалыников, документов на сей счёт не обнаружено. Сам писатель конкретного места не называет. На доске предлагается следующий текст: «Это здание, построенное для конвойной команды (1-я половина XIX в., архитектор И. И. Свиязев), является немой свидетелем того, как в январе 1850 года по Сибирскому тракту на каторгу проследовал Фёдор Михайлович Достоевский, будущий великий русский писатель».

■ ПОЭТ И ГОРОД

Навстречу Пермским
Пастернаковским чтениям



Светлана ЗАМИАТИНА
Союз писателей России,
г. Москва

«И ВСЁ-ТАКИ, ЧТО Ж ЭТО БЫЛО?..»

В специальном выпуске газеты «Советская Россия» «Улики» от 22 января 2015 года был опубликован рассекреченный недавно документ ЦРУ о планах поддержки и продвижения в Советском Союзе романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго». Директор Советского отдела ЦРУ Джон Маури, среди прочего, сообщал, что «у нас есть возможность заставить советских граждан задуматься, что не так с их правительством, если прекрасное литературное произведение автора, признанного одним из величайших ныне живущих русских писателей, не может быть опубликовано в его стране на его языке для его собственного народа».

В том же номере «Улик» представлен материал о том, как писатель тайно переправил рукопись в Италию для публикации, как потом отказался получать Нобелевскую премию, присуждённую ему за «Доктора Живаго», и как, наконец, просил Хрущёва не лишать его советского гражданства и позволить остаться на Родине. К материалу прилагался отрывок из письма редакции журнала «Новый мир» Борису Пастернаку. В письме редакция довольно подробно и пространно объясняла писателю причины отказа в публикации романа на страницах журнала и взывала к совести автора, написавшего антинародное и антисоветское произведение. И вот тут-то невольно вспоминается роман другого советского писателя:

«Трудно сказать, что именно подвело Ивана Николаевича <...>, но Иисус в его изображении получился ну совершенно как живой, хотя и не привлекающий к себе персонаж. Берлиоз же хотел доказать поэту, что главное не в том, каков был Иисус <...>, а в том, что Иисуса-то этого, как личности, вовсе не существовало на свете и что все рассказы о нём простые выдумки...»

Редакция «Нового мира», давшая Борису Пастернаку свой отзыв на роман «Доктор Живаго», ни словом не обмолвилась о том, что роман этот – очевидная творческая неудача, что писатель и замечательный переводчик Борис Пастернак, переводивший на русский язык Шекспира и

Гёте, познакомивший русского читателя с поэзией грузинских, армянских, узбекских, азербайджанских поэтов, написал не очень хороший роман. Такое случается, и в этом нет ничего странного. В конце концов, каждый человек может написать плохой роман. Странно другое – когда неудачное произведение выдают за шедевр. В чём-то это и пострашнее антисоветской пропаганды.

Едва только роман попал на Запад, как был переведён на все европейские языки, автору присудили Нобелевскую премию и немедленно записали в величайшие русские классики. Обнародованные документы ЦРУ более или менее объясняют всю эту суматоху. Необъяснимым остаётся другое: с какой готовностью, если не сказать с жадностью, публика поклонилась новому кумиру и продолжает кланяться по сей день. В статье «Голый король. Размышления по поводу романа Пастернака» (1959) русский поэт-эмигрант Глеб Глинка писал:

«Весь успех и возросшую до гигантских размеров популярность романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго» я определяю только как массовое наваждение. Что называется, бес попутал, ум за разум зашёл».

Но поскольку наваждение это продолжается и по сей день, то впору говорить о том, что бес опутал. Если же отстраниться от демонологии, то опять же можно сказать вслед за Глебом Глинкой:

«Боясь прослыть глупцами <...>, подавляющее большинство современных интеллигентов продолжает восторгаться несуществующей мантией Бориса Пастернака».

Эта группа восторженных товарищей делится на несколько подгрупп. Одних восхищает поэтика романа, который якобы есть не что иное, как «поэзия в прозе». Другим нравится описание чувств. Третьи говорят о христианской проповеди «Доктора Живаго». Есть и такие, для кого самым важным и интересным в романе являются стихи Юрия Живаго, представленные в последней семнадцатой части второй главы.

Окончание на стр. 4. ►

■ EX LIBRIS

Владимир ГЛАДЫШЕВ
Союз писателей России,
г. Пермь



ЧИТАЯ ДОСТОЕВСКОГО

«Тут на горе паслось большое стадо свиней, и они просили Его, чтобы позволил им войти в них. Он позволил им. Бесы, вышедшие из человека, вошли в свиней, и бросилось стадо с крутизны в озеро и потонуло... Видевшие же рассказали им, как исцелился бесновавшийся».

Евангелие от Луки, гл. 8, 32–37.

...Май 1918 года, вечер. В № 21 Королёвской гостиницы, что в самом начале Сибирской, сидят двое мужчин среднего возраста. Один из них, гражданин Романов, – на положении ссыльного, второй, его добровольный помощник и секретарь, – Н. Джонсон.

«Пермский узник» Романов – бывший Великий князь Михаил Александрович, младший брат свергнутого императора. Отдавая дань своей давно укоренившейся привычке, Великий князь и его секретарь читают центральные газеты, затем берутся за местные «Известия».

– Обратите внимание, Михаил Александрович, по пермским улицам гуляют свиньи! – удивился вслух Джонсон; Николай Николаевич любил выбирать из объявлений что-нибудь этакое...

Действительно, Совет городского хозяйства в номере за 5 июня извещал, что при 1-м рабочем дворе (давалось уточнение: собачий двор на Вознесенской ул.) были задержаны (!) три гульных свиньи. Это в центре Перми!

Владельцы свиней могли получить свою живность, но только в течение пяти дней, уплатив за прокорм. А нет – всё, прощайтесь, продадут с торгов.

Образ бродячих свиней сразу напомнил Михаилу эпиграф к роману Достоевского «Бесы». За сочинения великого русского писателя Великий князь взялся как раз в последнее время, навёрстывал упущенное (в молодости русских классиков не очень любил, исключение делал разве что для Тургенева, его книги просто обожал). В пермской ссылке Михаил Александрович читал две книги – какую-то французскую (занятия языком) и «Записки из мёртвого дома» Достоевского. Как будто готовил себя к чему-то подобному, что испытал великий русский писатель в Сибири, на каторге...

Одно место... Где же это? А, вот! Про первый месяц в неволе Романов перечитал не раз, сравнивая восприятие Сибири поселенца Горяничкова с собственными ощущениями: «...Три дня спустя по прибытии моём в острог мне велено было выходить на работу. ...Я продолжал ко всему жадно присматриваться... Вот конец моего странствования: я в остроге, – повторял я поминутно, – вот пристань моя на многие долгие годы, вот мой угол... вот я вступаю с таким недоверчивым, с таким болезненным ощущением...»

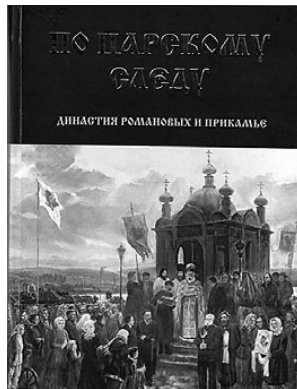
Достоевского вспоминал и другой человек, который станет палачом великого князя, это боевик-каторжник Гавриил Мясников.

Да, амбиции у местных большевиков были велики, а аппетит – волчий. Сам Мясников в своем трактате-исповеди «Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова» признаётся в этом. Цель они поставили перед собой чёткую: «убрать эту падаля, чтобы труп Михаила не удалось потом превратить в баррикаду мировой буржуазии».

Вспомним: примерно такими же чувствами жил и другой «пламенный революционер» – Яков Юровский, комендант «дома особого назначения», руководивший расстрелом семьи бывшего императора. Но наш доморощенный философ, помимо идейности, подпускает в обоснование своей кровожадности ещё и психологию. Мясников объясняет, почему в нём так «кипит негодование против Достоевского, оплевавшего атеиста-смерда». И он призывает «реабилитировать Смердяковых, выступающих на историческую сцену...».

Воинствующая смердяковщина пронизывала политику узурпаторов власти. На вооружение большевики взяли тактику, которая была разработана и обкатана в революционной Мотовилихе, ещё в 1917-м. Она заключалась в том, чтобы убивать своих идейных противников при мнимой, инсценированной попытке к бегству. Фактически это – убийство из-за угла.

Р. S. Подробнее – читайте в книге В. Ф. Гладышева «По царскому следу», глава «Необъявленная казнь» (Пермь, 2014).



И ноги, кстати, тоже. Да и кружки со стрелами, которые лепит на стекле метель, символ недвусмысленный. История, в общем-то, обычная. Но видеть в ней что-то божественное, значит всего лишь кощунствовать.

Помнится, Фёдор Павлович Карамазов пенял Петру Александровичу Миусову: «Да, вот вы тогда обедали, а я вот веру-то и потерял!» Когда видные иереи и богословы рассказывают пастве о религиозном значении романа Б. Пастернака или о христианском сознании Юрия Живаго, они вполне могут оказаться в роли П. А. Миусова и услышать однажды: *«Вот вы тогда невесть о чём разглагольствовали, а мы вот веру-то и потеряли»*. Но о том, что бывает с теми, кто соблазнит одного из малых сих, не нам здесь рассуждать.

Посмотрим лучше, что происходит, когда в культуру под видом шедевров внедряются не очень хорошие или совсем нехорошие произведения. А происходит примерно то же, что с производством, когда на предприятие засылается человек, портящий станки – мало-помалу производство останавливается. Культура, не приумножающаяся действительно великими произведениями, начинает размываться. Прimitивизация, опрощение культуры приводит к утрате смыслов, хранящихся в ней.

О великих предметах нельзя говорить площадным языком. Именно поэтому Церковь не переходит на современный язык в богослужении. Великое должно быть выражено сообразно своему масштабу, только тогда оно может быть правильно понято. Попробуйте спеть в частушках о Священной войне или о чудном мгновении. И вместо глубины чувств вы окажетесь на жалкой отмели. Культура, образованная посредственными произведениями, не может нести в себе высокие смыслы – всякая посредственность приземлённа. Но человек, привыкающий к посредственности, постепенно утрачивает вкус к прекрасному. Это как учиться музыке на расстроенном инструменте – есть риск испортить слух.

Сегодня мы, инда горло пересохло, кричим о русофобии, но уже не замечаем, что «Солнечный удар» наполнен штампами, а в «Левиафане» плохо всё – начиная сценарием и заканчивая операторской работой. Привыкая к посредственности, мы отвыкаем воспринимать прекрасное и понимать великое. Культура и сознание – вещи взаимозависимые. Сформировавшийся в определенных культурно-исторических условиях индивид отображает себя и свою эпоху в произведениях культуры. После чего сами произведения, становясь средством воздействия на индивидов, начинают влиять на формирование мировоззрения, системы ценностей, психических процессов. И если в культуре, по чьей-то злой воле или потому, что так уж вышло, царит посредственность, то рано или поздно она также окажет своё действие. А уж какое она сформирует мировоззрение и какую систему ценностей – можно только гадать.

И всё-таки история с «Доктором Живаго» – это очень грустная история. Потому что глубокий и талантливый человек, не то по неведению, не то, подавшись соблазну, стал разменной монетой в не слишком чистоплотных руках. Неудачное произведение Бориса Пастернака принесло ему славу, породило целую армию исследователей, которые, как кажется, сами не до конца понимают, чем занимаются. Но в то же самое время замешало имя писателя в какую-то смутную историю, расколов соотечественников на непримиримых неприятелей романа и его активных фанатов, боящихся прослыть глупцами. Что это было? Как такое могло случиться? Вот о чём было бы интересно послушать мнение исследователей.

■ ЗЕМЛЯ



Алексей МАЛЬЦЕВ
Союз писателей России,
г. Пермь

ПРИСНИТСЯ ЖЕ ТАКОЕ

ЗВОНОК ИЗ ДЕТСТВА

Сотовый –
проверенное средство,
Чтобы скоротать остаток дня,
Запиликал:
– Это ваше детство.
Помните, наверное, меня?
Я сейчас в том самом городишке...
В общем, я на родине сейчас...
Здесь по парку бегает мальчишка,
Как две капли, он похож на вас.
Связь оборвалась.
Как в бездну канул
Голосок, исполненный тоски...
Я стоял в прихожей истуканом,
Слушая короткие гудки.
Если это кто-то по соседству
Пошутить решил так надо мной...
Люди, осторожней!
Шутки с детством –
Это шутки с вечностью самой.

НЕПОХОЖАЯ ЖИЗНЬ

А когда рассвело
И лоскутные мятые тени,
По кустам расползаясь,
Ещё холодили ступни,
Мне подумалось вдруг,
Что рассвет не похож на осенний,
И своей непохожестью –
Всей моей жизни сродни, –
Не устроенной в чём-то,
Порой беспросветной настолько,
Что с утра, как молитву, твердишь:
«Продержись! Продержись!»
Мне подумалось вдруг,
Что вот так, наплывая с востока,
Непохожий рассвет повстречал
Непохожую жизнь.

ДЕВОЧКА-ВЕСНА

Приснится же такое, в самом деле...
Потом всю ночь мне было не до сна.
Как будто на оттаявших качелях
Раскачивалась девочка-весна.

И видимо, не холодно ей было,
Всё во дворе, казалось, расцвело...

■ ЛУТАНСК – ПЕРМЬ



Светлана ТИШКИНА
г. Лутанск, ЛНР

НЕРАСТРАЧЕННОЕ ЛЕТО

* * *

Я приду,
Когда станет светлей на душе,
Когда утром смогу поделиться,
А пока серым днём
Затаюсь в шалаше
Из ольхово-кленового ситца.

Из дождя на ладонь
Упадёт канитель –

А, может быть, девчонка полюбила
Впервые в жизни – чисто и светло?

Я за ночь подходил к окну раз десять –
Увидеть чтоб её наверняка.
Под снегом дворик спал, и только месяц,
Смеясь, крутил мне пальцем у виска.

Глаза я закрывал – всё повторялось,
Как наважденье... Тенькала капель.
Раскачиваясь, девочка смеялась,
Светило солнце, буйствовал апрель.

ДАЛЁКАЯ ЮНОСТЬ

Непогода отменит поход наш едва ли –
Всё равно мы на лодках в туман уплывём...
И причалим туда, где сто лет не бывали,
И костёр у реки не спеша разведём.

Будут искры плясать в уплывающем дыме,
Наши песни услышит поникший бурьян...
Мы когда-то рыбачили здесь молодыми,
Унесло поплавки в мировой океан.

Разучились по-детски мечтать, удивляться,
Не ликуем от радуги над головой...
Мы сегодня другие... А помните, братцы,
Как трепещет сорожка, взлетев над водой!

Как колотится сердце твоё с непривычки,
Если встретишь на танцах девчонку свою...
Где сейчас этот вздёргнутый нос и косички,
Эти губы, что нежно шептали: «Люблю».

ЭКСПРОМТ

Полнолуние... Без четверти десять,
Если стрелки, конечно, не врут.
Умудрился же кто-то повесить
Над Прикамьем – созревший грейпфрут.
И – поехала крыша у граждан,
Словно с горки – толпа детворы...
Видно, ширик скрывается в каждом,
Не высовываясь до поры.

СНЕГ В АПРЕЛЕ

Апрель, осадки, талая вода...
И выпавшему снегу – таять, таять...
И кажется – весна не наверстаёт
Упущенное к маю никогда.

Где прячется беглянка до сих пор?
В урочищах? В низинах? В захолустях?
Подобием невыплаканной грусти
Кружится снег... Всему наперекор.

ВСЁ ЛУЧШЕЕ – В ПРОШЛОМ

Мы день уходящий, как булку, раскрошим,
Слетевшие голуби мигом склоют...
Всё лучшее – в прошлом,

всё лучшее – в прошлом:
Закаты, рассветы, душевный уют.

Одёрнут друзья: «Ностальгия проснулась?
Живи настоящим и хватить стонать!..»
А нам для того и дарована юность,
Чтоб было хоть что-то потом вспоминать.

Захочется – там причесать,
здесь – подправить...
Причины разлук и подробности встреч...
Но нам для того и дарована память,
Чтоб прошлое наше от нас убереж.

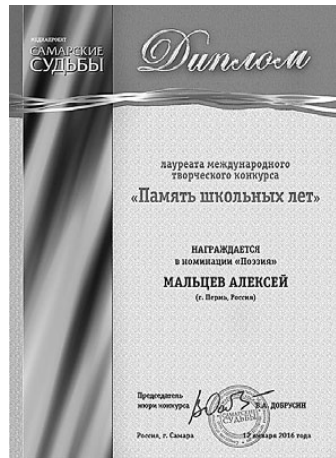
Опять на душе не по-детски тревожно,
И кто разберёт – что маячит вдали...
Всё лучшее – в прошлом,
всё лучшее – в прошлом.
У нас, у России, у целой Земли.

МГНОВЕНИЯ

Случаются нелегкие мгновенья –
Хоть тресни, не идет стихотворенье,
На части распадается строка...
Бегу туда, где кроны, словно крыша,
Где лиственницы шепчутся чуть слышно,
И ветер мысль несёт издалека.

БУМАЖНАЯ РОДНЯ

О, сколько книжек подписать мне
За эти годы довелось!
Размашисто, в одно касанье,
Плясали строчки вкривь да вкось...
Где вы сейчас, души осколки,
Моя бумажная родня?...
Небось, скучаете на полке
И вспоминаете меня?



Пермский поэт и прозаик Алексей Васильевич Мальцев в начале 2016 года стал лауреатом Международного творческого конкурса «Память школьных лет».

От всей души поздравляем коллегу и желаем ему успехов в творчестве и новых литературных побед.

**Пермская краевая организация
Союза писателей России**

ИВУШКА

Ну, какая же я сильная?
Быть такою не проси меня.
Беззащитная и слабая,
И всплакнуть могу по-бабьему.

Только мне не нужно жалости,
Не приму и самой малости.
Я привыкла, я живучая,
Гнусь, как ивушка плакучая.

Я — под солнцем, ты — в тени моей,
Ведь уютно средь моих ветвей.
Этим я живу и радуюсь,
В корни прячу свою стару грусть.

Для тебя я слишком сложная,
В этом правда непреложная,
Да, быть проще не умею я,
Подари чуть-чуть доверия.

Я найду пути решения,
В том моё предназначение,
И не силой, и не слабостью
Справлюсь я со сложной напастью.

Николай ПОЛОТНЯНКО
Союз писателей России,
г. Ульяновск



НО ЕСТЬ ПРИЗВАНИЕ У ПОЭТА...

В преддверии Всемирного Дня поэзии (празднуется 21 марта) публицист Марина Изварина встретила с известным русским поэтом Николаем Полотнянко — одним из авторов альманаха писателей Пермского края «Литературная Пермь», кавалером ордена Достоевского I степени, и попросила его ответить на интересующие читателей вопросы.

В беседе были затронуты общероссийской важности вопросы и проблемы существования литературы сегодня.

Марина Изварина: Недавно мы стали свидетелями значимого для ульяновских любителей поэзии события: вам была вручена премия Н. Благова в своей главной номинации. И так совпало, что через несколько дней вышла ваша новая книга поэзии «Судьба России». Поздравляю вас, Николай Алексеевич, с заслуженной наградой. Но почему вы сказали, что для вас это неожиданность?

Николай Полотнянко: В Ульяновске, знаете, своеобразные взгляды на поэзию у тех, кто думает, что именно он решает творческие судьбы.

В 1976 году секретарь обкома партии Сверкалов (партийная кличка «Сверчок») топал ногами и кричал, чтобы я в 24 часа «выметался из города». По мановению первого секретаря Скочилова я получил квартиру. Горячев клитераторам был равнодушен, но иногда помогал материально. Сергей Морозов на одной из своих первых встреч с писателями со всей прямотой заявил, что «не собирается делать из ульяновских писателей Гоголей и Чеховых».

М. И.: И как вы отнеслись к этому заявлению губернатора?

Н. П.: Нормально. Совершенно для себя случайно, он попал в самую точку. Поэт делает себя сам своим талантом, но в его судьбе многое зависит от культурной и просто житейской атмосферы, в которой он обитает и творит. И в начале его поэтического пути не надо к нему лезть, советовать, запрягать в общественные мероприятия, нужно оставить его одного наедине с песней своей жизни, которую он только начал петь, не подозревая, что ему ещё предстоит вынести в будущем. И, конечно, не надо, как это было со мной, душить, не давая работу, запрещать печататься за то, что несколько раз в частных разговорах я называл нашу обкомовскую публику антисоветчиками. И, к сожалению, не ошибся, идеалы Советской власти они предали.

М. И.: Почему же это предательство произошло, да так ловко, что и виноватых не сыскать?

Н. П.: Как-то мы не так сейчас живём, никак не можем собраться с духом и сделать чистосердечное признание, что и на нас лежит часть вины за развал государства, и на мне, и на многих миллионах взрослых граждан, но особенно на бывших чекистах, госаппаратчиках, военных, сотрудниках МВД и просто рядовых коммунистах. И секрета в гибели страны нет: её убило враньё сверху донизу, ложь победила правду, мы стали врать и до сих пор врём даже самим себе, что в 1991 году стали жертвами обстоятельств неодолимой силы. Ложь теперь рядится в личину объективности, появилась масса вранья на тему «не виновата я, это он сам...».

Даже КПРФ уверена в своей невинности и непорочности. А мне порой хочется спросить Зюганова, что ему помешало из пацанской рогатки пробить черепушку своему соседу по дому Ельцину шариком от подшипника?.. Рогульки, резинки и шарика хватило бы для изменения хода мировой истории. А мы все врём, врём, врём... пока не помрём...

М. И.: Вы прошли достаточно большой путь в поэзии и не заразились гордыней, которая весьма свойственна многим творческим работникам. Вы верующий?

Н. П.: В начале 1980-х мне вернули рукопись из одного московского журнала с характерным для того времени резюме, что в стихах слишком много упоми-

наний о душе. Такое было время. С конца 1980-х в литературе объявилась уйма поэтических христосиков, и это поветрие ещё не закончилось. Поэт не может быть только верующим, то есть колеблющимся человеком, он должен твёрдо з н а т ь, что Бог есть, и Он — опорный камень его поэтического видения мира и человека. Но это касается только поэтов пушкинского пути, которых в наше время почти не осталось. Но у нас публичное мнение всех, кто зарифмовал хотя бы сотню строчек, зачисляет в поэты. И это не смешно, это — пошло.

М. И.: Но Пушкин жил давно, жизнь людей во многом изменилась. Наверно, и поэзия должна соответствовать своему времени. Много говорят об Иосифе Бродском как о первом поэте на все времена. Возможно, и перехваливают, но он действительно крупная звезда русского поэтического небосклона.

Н. П.: Поэзия должна соответствовать не времени, а своему божественному призванию, и должна быть направленной в высоту, потому что предназначение поэзии состоит в очеловечивании людей, о чём я сказал достаточно давно, но понято это был очень немногими:

*Опять пришла весна в Поволжье.
Лес научился говорить.
И листья шепчут, что я должен
За это — песней заплатить.*

*И пусть не так легко и щедро,
Как соловей или скворец,
Но стать на миг дыханьем ветра,
Коснуться радостью сердец.*

*Немного в жизни счастья, света,
Никто своих не знает дней,
Но есть призванье у поэта —
Очеловечивать людей.*

Что касается Бродского, то его поэзия явно не русская. Она русскоязычная, ибо не содержит в себе ни одного русского смысла из тех, которые выделил ещё Гоголь (Бог, Царь, Россия, народ). Эти понятия ему чужды, но Бродским сейчас заражены как инфекцией пошлости очень многие деятели российской культуры, филологи, СМИ, библиотекари. Однако винить их в этом трудно; хотя они имеют высшее образование, но не имеют собственных выстраданных убеждений, и совсем не образованы в части любви к родному слову, легковёрны и падки на любую дрянь, которую начинает мусолить и навязывать публике так называемое общественное мнение и ТВ.

Если посмотреть на жизненное пространство поэзии Бродского, то оно как у всякого русскоязычного поэта, напоминает марсианский пейзаж. Его поэзия вторична и черпает себя из литературы, но не из живой жизни. Да, он писал по-русски, но думал и чувствовал не по-русски. Читателям нужно знать, что творческая работа писателя похожа на многолетнее возделывание своего сада. Успехи у каждого — по таланту. У одних сад ухожен, у других заброшен — всего одно хилое поэтическое деревце, а сам хозяин мотается-шныряет по литературным садам, там одно сорвёт, там — другое, чтобы «творчески переработать», но так до конца жизни и не поймёт, в чем заключается предназначение поэтического таланта.

Ему главное — не создать, а как можно громче о себе заявить какой-нибудь гадостью, чтобы прославиться. Показательны в этом смысле мерзкие вирши Бродского украинскому народу. Такое русский поэт написать не сможет.

М. И.: Издание ваших книг, которые стали, на мой взгляд, самым важным культурным событием в регионе за последние пятнадцать лет, власть финансово не поддерживает, хотя литература есть фундамент русской духовной культуры. В чём причина подобной холодности к вашим, уже получившим читательское признание талантливым книгам поэзии и прозы?

Н. П.: Изданием своих уже 11 книг поэзии и прозы я поставил руководителей культуры области в неловкое положение. Они жили себе спокойно, ничто не омрачало их безмятежного существования, а тут без всякого на то разрешения явился к ним такое, что требует к себе пристального внимания.

Подчёркиваю, что это не я требую к себе внимания, а написанные мной книги. Они требуют осмысления и законной прописки в культурном пространстве региона, не говоря уже об их издании тиражом 3–5 тыс. экз., чтобы они стали доступны тем, кто интересуется историей своей земли, потому что четыре романа посвящены истории Симбирского края, а три романа написаны о современной жизни ульяновцев. Мной создана и поэтическая история Симбирска-Ульяновска.

Добавим к этому две комедии на эту же тему. К сожалению, до руководства областью пока не дошло, что этими книгами Ульяновск духовно обогатился, во многом приобрёл художественно-литературное родословие, и лишился своего затянувшегося исторического беспамятства и сиротства. И это сделал один человек, уже далеко немолодой, совершенно бескорыстно с благой целью очеловечивания людей, которых денно и нощно расчеловечивают лже-идеалы капиталистической действительности через СМИ, телевидение, кино и современное искусство.

М. И.: Ульяновск включён ЮНЕСКО в список самых читающих городов мира, но, судя по отношению к вашему творчеству, это мало что даст для продвижения ваших книг. Я заметила, что наши печатные СМИ совершенно не интересуются литературным творчеством, не публикуют стихи, рассказы, рецензии на книги.

Н. П.: Наша область заняла в Год литературы 1-е место в России по продвижению чтения, включена в престижный список ЮНЕСКО, но этим успехами никак не соответствует негативная политика областных газет, получающих весомую финансовую поддержку из областного бюджета, по отношению к местным писателям. Они уже давно ликвидировали литературные страницы из своих изданий, и требуют оплату за публикацию литературных произведений, что явно не способствует созданию культурной творческой атмосферы в регионе.

Писатели не требуют оплаты своего труда, но редакторы не прочь на них подзаработать. Получается, что из литературного процесса вычеркнуты многие десятки творчески одарённых людей, в первую очередь молодых литераторов, и сменить старшее поколение писателей скоро будет некем. Согласитесь, что эта политика как-то не вяжется с высоким реноме Ульяновской области в европейском масштабе культурных ценностей, и есть ни что иное как мелочное крохоборство и умышленное подавление литературных дарований.

М. И.: И какова судьба изданных вами за свой счёт книг?

Н. П.: Нужно, чтобы мои книги появились в свободной продаже, чтобы их мог приобрести любой желающий.

Книги, все 11 томов, изданы мной за деньги доброжелателя очень небольшим тиражом. Все они есть в Интернете. Получив тираж книги, я раздаю её по адресам. Единственное условие моего дарения, чтобы книги получатели забрали сами, и сообщили об их получении на электронных ресурсах. Доброжелательно отнеслись ко мне в Сельхозакадемии. Забрали книги и на другой день опубликовали информацию, а также передали комплект в Чердаклинскую библиотеку, где тоже откликнулись публикацией.

М. И.: Кому ещё вы подарили свои книги?

Н. П.: Ульяновскому госуниверситету, Педагогическому и Техническому университетам, Колледжу искусств, Педагогическому училищу № 4, Инзенской и Старо-Майнской библиотекам, Литературному обществу «СимбирЛит». И всем городским библиотекам Ульяновска, «Аксаковке», во все отделы Дворца книги, куда книги отдавал по мере их получения из типографии. Всего я подарил более 600 книг.

М. И.: Только что вышла новая книга стихов «Судьба России». Она что, действительно о судьбе России?

Н. П.: Я писал эту книгу без оглядок на торжествующий хай победителей русской справедливости и Божьей Правды. В наше время судьба поэта безрадостна. Ему приходится говорить народу правду, которую тот не хочет слышать:

*..Какая грусть поэтом быть заката
Страны и унижения святынь!
Следы необратимого распада
Видны на всём, куда свой взгляд ни кинь.*

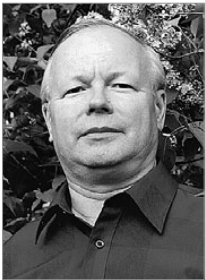
*Давным-давно мы тлеем — не горим.
И жаркие мечты о вольности чуть живы.
Иссякли благородные порывы.
Мы слову чести верность не храним.*

*В нас пушкинского так ничтожно мало.
Он был от солнца, мы — от полутьмы.
Наши порохи отсырели, и нет запала,
И цели нет, куда б стремились мы.*

*Но Пушкин с нами. На исток дорог
Он возвращает Русь в пророческом прозрении.
Пока с народом здравый смысл и Бог,
То есть всегда надежда на Спасение.*

■ EX LIBRIS

Михаил ДАВИДОВ
ШКО СР,
г. Пермь



ВКУС МОРЯ

ТАТЬЯНЕ

Я знаю, ты желаешь
Меня приворожить,
Фламинго притворяясь,
Лисой стремишься быть.

Мечтаешь ты о ласке
И тихою любви,
И жить со мной в достатке
Без риска и крови.

Ты славная, простая:
Златые волоса,
И ямочки на щёчках,
И синие глаза.

И у тебя есть деньги,
Квартира и «Рено»,
Мутоновые шубки,
Прекрасное вино.

Но я люблю другую,
Мечтаю об ином,
И мучаюсь, тоскую
О счастье неземном.

Её глаза чернее
Египетской ночи.
Огонь души сильнее,
Чем жар в моей печи.

И хлопотно, и сложно
Бывает часто с ней.
Порою очень больно,
Но мне она милей.

Хочу её безумно,
Мечтаю о ночи:
Увидеть прелесть чуда
Под пламенем свечи.

И взгляд её, чаруя,
Становится нежней.
И с каждым днём, тоскуя,
Люблю её сильней.

Прощай, моя Татьяна,
Прощай, моя лиса.
Прощай недостаток, деньги
И синие глаза.

ОСТРОВ СВОБОДЫ

Много женщин на свете я видел,
Но кубинки прекраснее всех,
Вспоминаю чудесную Бески,
Совершив с нею маленький грех.
Её губы алели, как маки,
Её зубы белели, как снег,
Её чёрные очи сияли
И любовь источали для всех.

Было стройное тело упруго,
Кожа жёлтая дивно нежна,
И чернели ресницы чудесно,
И приветливы были слова.

Ты звала меня с нежностью «Мисча»,
Обещая восторги любви.
Твои гладкие сильные бедра
Восхитительны были в ночи.

Пели песню любви в Варадеро
Среди пальм мы до самой зари,
Шелестели утрюмые волны
И шипели с укором они.

Нагишом забегали мы в море,
Оставляя следы на песке,

И дурачась, плескались на волнах,
И стояли, обнявшись, в воде.

До сих пор вспоминаю с тоскою
Я упругие груди твои,
Вкус солёного свежего моря,
Те пьянящие ночи любви.

Я мечтал с ней остаться навечно,
Поклоняться Фиделю и Че,
Зарабатывать скромные песо,
Но с сигарой лежать на песке.

Но пришла расставанья минута,
Лайнер взмыл, оставляя во мне
Запах нежного женского тела
И любовные муки в душе.

Кудри чёрные снятся порою,
Манит гибкое тело к себе...
Как живёшь ты, любимая Бески,
На свободной кубинской земле?

ВОЛЖАНКА В МАДРИДЕ

Елене

Статная, высокая, красивая...
Нежностью наполнены глаза.
Ты шагаешь по бульвару Прадо –
Всей Самары гордость и краса.

Твои ножки стройные прелестны,
Каблучки, как музыка, стучат,
И льняные волосы чудесны,
И серёжки золотом горят.

И испанцы взглядом провожают,
Восхищённо смотрят тебе вслед,
И в восторге кто-то восклицает,
Что в Мадриде таких женщин нет!

Ты в музее Прадо удивлённо
Маху обнажённую узришь.
Что нашёл в ней Гойя? Непонятно.
Ты прекрасным телом всех затмишь.

Гойя не бывал в твоей Самаре
И красавиц волжских не видал.
Бог на берегах реки великой
Вас, прелестниц, для любви создал.

Но не только красотой сияешь –
Ты добра, отзывчива, мила.
И умом блистательным пленяешь,
И душа, как солнца луч, светла.

Что неотразима – это знаешь,
Для мужчин желанна ты всегда.
По Мадриду с гордостью шагаешь,
Волжская красавица – звезда.

ОЛИМПИЙСКОЕ СЧАСТЬЕ

Вику Уайлду и Алёне Заварзиной

Вик в Америке жил одиноко,
По Бродвею с улыбкой гулял,
Сноубордом, шутя, занимался,
О любви неземной не мечтал.

Но увидел глаза сибирячки,
Чемпионки из красной страны.
И забилось сердечко от счастья –
Не встречал он такой красоты!

В море синее глаз этих нежных
Он всю душу свою утопил.
Губы алые жарко пылали,
Устоять им уж не было сил.

Поженились они, и в Россию
Вик приехал с богатой страны.
Занимались упорно и много
И любовью, и спортом они.

И звезда олимпийская в Сочи
Над обоими в небе зажглась,
Три медали они получили
На двоих в испытания час.

Вольный ветер шумел над горами,
Реял флаг его новой страны,
И под звуки великого гимна
Целовались они от души.

■ ЗЕМЛЯ



Наталья ГУМЕРОВА
г. Пермь

ЗАЧЕМ?..

Всё начинается с истока:
И полноводная река,
И бесконечная дорога,
И грозовые облака...

Через столетия из осины
Дремучий разрастётся лес.
Эскиз предшествует картине,
Молитва – помощи небес.

От ветра – буря разразится,
Из дружбы – вырастет любовь.
Душа, отжив, подобно птице
Вдруг воспарит до облаков...

И там, в святых объятьях Бога,
Поймёт, о прошлом не скорбя,
Что жизнь с рождения до срока
Проходит в поисках себя...

ПОЛОСАТАЯ ЖИЗНЬ

Ах, какая же штука сложная –
Жизнь... Порой невозможная,
Многотрудная, разнобойная,
То голодная, то застольная,
То серьёзная, то беспечная,
То сердитая, то сердечная,
Полосатая – чёрно-белая,
То бесстрашная, то несмелая,
То невзрачная, то красавица,
То молоденька, то состарится...

Век живи, познавая важное –
Жизни счастье многоэтажное.

СОЛНЦЕ

На фотографии, на фоне
Закатной розовой реки,
Держу я солнце на ладони,
И свет струится из руки...

И если очень приглядеться,
В том свете можно угадать
Большое огненное сердце,
В чьей воле жечь и сострадать...

В его закатах и рассветах –
И возрождение, и смерть.
Не в том ли миссия поэта –
В стихах восстать и умереть?

Подобно глупому Икару,
Погибнуть к Солнцу на пути.
Но не пропасть в огне пожара,
А в строчках – вечность обрести...

«ДА» И «НЕТ»

Как многогранно слово «НЕТ»:
В хрустальной вазе НЕТ конфет,
НЕТ под окошком фонаря,
На стенке НЕТ календаря.
НЕТ, не пойду я на концерт,
На сером небе солнца НЕТ,
А мой малыш ответит «НЕТ»,
Пред тем как скушать винегрет.
И для влюблённых слово «НЕТ» –
Увы, безрадостный ответ.
Три эти буквы невзначай
Приносят горе и печаль.

Зато как сладко слово «ДА»:
ДА, есть горячая вода!
ДА, милый, я пойду в кино,

Я не бывала там давно.
Скажу ребёнку: «ДА, дружок,
Возьми с тарелки пирожок».
И чтобы рядом быть всегда,
Кому-то кто-то скажет «ДА».

Два эти слова – «ДА» и «НЕТ» –
Мы каждый день твердим в ответ.
Но, чем бездумно отвечать,
Быть может, стоит промолчать?..

ИМЕНА

На полотне моей души имён не счесть,
Средь них родные и чужие есть...

Они порой стучатся, как в бреду
(Чтоб помнила и радость, и беду,
И счастья дни, и горечь от утрат...),
Неспешно собираясь на парад...
И с флагами – идут, идут, идут,
Нарушив сон, спокойствие, уют,
Бросая крик, кидая письма,мена,
Родные и чужие имена...

Я с ними говорю – по одному,
И отправляю медленно – во тьму,
В немую память, в сумерки тиши –
Обратно, на пристанище души...
Чтоб снова жить, надеяться, дышать,
Любить, творить, ошибки совершать...

Но каждый день, с рассвета до темна,
Мне новые приходят имена...

Я снова на распутии дорог...
Куда идти? Ни дома, ни вокзала...
И где бы взять мифический клубок,
Чтоб нить его дорогу указала?

Дорогу до непознанной судьбы,
До истинности тайного значенья,
Чтоб без извечных «абы» да «кабы»
Вкусить и сладсть, и соль предназначенья...

Было или не было –
Вам какая разница?
Сплетни – ветви дерева –
Надо мной склоняются.

Вьюн – сорняк непрошенный
Близ меня колышется.
Что ж вам моё прошлое
Долгим эхом слышится?

Хватит мыть мне косточки,
Слухи вить нечистые.
Пусть летят под горочку,
Не сломаюсь – выстою.

Вам – недобрым недругам –
Зла не пожелаю я.
Было или не было,
А давно растаяло...

ЗАЧЕМ?..

И зачем я так влюбчива,
Так наивно доверчива?..
Героиней у Тютчева
Становлюсь опрометчиво...
В глубину сладострастия
Захожу необдуманно.
А любовь – не причастие,
В искушенье задумана...
В испытанье – женатому,
Вдох – для общества душевного...
Но даётся не каждому,
Обойдёт равнодушного...
И зачем я так влюбчива,
Так наивно доверчива?..
Знаю, с времени Тютчева
Так же чувство изменчиво...
Так же тонем в неверности
И от страсти теряемся...
То страдаем от ревности,
То в любви забываемся.

Алексей ДУБРОВИН
Союз писателей России,
г. Пермь



«НЕ СТАРЕЮТ ДУШОЙ ВЕТЕРАНЫ»

Память войны, память сердца. В известной песне «Песнь о солдате» есть такие слова: «Пролетели года, отгремели бои. Отболели, отмаялись раны твои...» Хорошие слова, но разве признается фронтовик, что раны не отболели, не отмаялись. И годы берут своё... Как чувствует себя солдат далёкой для нас войны, но близкой для него?

Боевой офицер-пограничник, полковник запаса Кадочников Валерий Павлович хорошо известен в Прикамье своей общественной работой. Узнав, что Валерию Павловичу занедужилось, мы с председателем совета ветеранов пограничников Пермского края Кудриным Виктором Николаевичем отправились навестить фронтовика. Поехали в город Верещагино, что расположен в ста километрах от Перми. Дорога обычно располагает к общению. Разговорились в вагоне электропоезда и мы.

ПУТЬ-ДОРОГА

Вспоминали с Виктором Николаевичем службу на границе, благо, служили, пусть и в разные годы, но в одном Пржевальском погранотряде. Зашла речь о выездах на усиление наших подразделений на сложные участки границы, о командировках. Тут и выяснилось, что, выполняя приказы руководства, подполковник В. Н. Кудрин в «горячие восьмидесятые» годы неоднократно направлялся в Афганистан.

Неспешно повёл он рассказ:

— Стучалось всякое. В ходе одной из командировок выводил в афганских горах солдат из окружения. Боестолкновения с душманами удалось избежать, но подстерегало нас худшее. Путь к своим преградил заминированный участок. Слева нависли отвесные скалы, справа — ещё того круче. Как выбраться? Обратного нельзя. Разведка группы доложила: «По пятам идут крупные силы «духов». Оставался один путь — вперёд. Собираясь шагнуть на опасный галечник, рассчитывал на своё чутьё, знания, специальные навыки. Уверенность во мне была — пройду. Но если что... Молодёжь следовало уберечь. Пошёл первым. Пот стекал с головы ручьями, застилал глаза. Рукавом лицо вытру и снова шагаю, вглядываясь в коварную поверхность. Давнее увлечение альпинизмом привило навыки «чтения местности». Про себя шептал: «Нет, так камешек лежать не может. Значит, сдвинут чьей-то рукой». Переступаю его, а бойцы за мной след в след двигаются. Так и одолевали мы этот заминированный участок. Когда увидел на пути предупреждающую табличку с надписью, понял: вышли, жить будем. Гимнастёрку мою можно было не выжимать. Застыла от проступившей через пот соли.

Не удержался я, перебил подполковника Кудрина:

— Начальники ваши, наверно, до христа в плечах обнимали. Благодарили?

Виктор Николаевич грустно улыбнулся:

— Нет, не было никаких объятий. Едва не получил взыскание за «неоправданный риск» при выводе группы в расположение своих.

— Наградами, выходит, вас не осыпали, — заметил я.

— Людей сохранил — вот моя главная награда. Солдаты крепко уважать начали после того «рейда», — ответил Виктор Николаевич. — Посыпались просьбы научить азам альпинизма, «горной подготовке». Учил. По итогам командировок в ДРА был представлен к медали «За боевые заслуги», но наградили «нашей» пограничной «За отличие в охране государственной границы СССР», которой очень дорожу.

— Вы — удивительный человек, — убеждённо произнёс я. — Настоящий герой.

— Не считаю службу какой-то геройской. Не за медали служил, — рассмеялся ветеран. — Помнишь, как Тёркин про ордена говорил? Много интересного случилось в судьбе. Служил при нашем посольстве в США несколько лет. Тоже всё было не просто. Но скоро встретимся с полковником Кадочниковым, и ты увидишь настоящую легенду, — улыбнулся председатель ветеранской организации.

Удивились за разговором быстротечности времени — самому молодому ветерану Великой Отечественной войны сегодня уже под девяносто лет. И полковник Кадочников — не исключение, в октябре ему исполнится 89.

ВСТРЕЧА С ФРОНТОВИКОМ

Вот и Верещагино.

С крепких объятий началась наша встреча с полковником в отставке погранслужбы ФСБ России Кадочниковым Валерием Павловичем.

— Валерий Павлович, примите сердечные приветствия от пермских пограничников и от ветеранов органов государственной безопасности! Доброго здоровья вам, чтобы с радостью в душе встретить приближающийся девяностолетний юбилей!

— Сердечно благодарю! — ответил нам фронтовик. — Очень ждал вашего приезда.

Улеглись эмоции, и под чашку чая задал я Валерию Павловичу свой первый вопрос:

— С чего началась для вас война?

— Со скорбных вестей с фронта. Не обошла такая весть и нас. Моего отца, Кадочникова Павла, проживавшего в деревне под Карагаем Пермской области, призвали на войну в 1942 году. Он погиб практически сразу. Ни одной весточки с фронта мы не получили.

Молчим. Святое — вспомнить погибших и помолчать.

После небольшой паузы задал очередной вопрос:

— Знаю по публикациям разных лет, что вас призвали на службу в 1944 году семнадцатилетним пареньком. Как вы оказались в армии, и чем запомнился День Победы?

— Родился я 27 октября 1927 года. Получил образование на базе семи классов. После окончания школы работал в колхозе. 25 октября 1944 года Государственный Комитет Обороны принял постановление «О призыве на военную службу призывников 1927 года рождения». Только отметил день рождения, как 28 октября призвали в регулярную армию. Служить начал в части МВД, занимавшейся борьбой с бандитизмом. Часть была расположена в Прибалтике. Пришлось и нам повоевать. Сложное время, непростая обстановка. Видел смерть рядом не раз. 9 мая мы узнали о капитуляции Германии и просто все выскочили на улицу из казарм. Дружно подняли в небо личное оружие и начали стрелять. Хаотично. Патронов не жалели. Офицеры поняли, что надо как-то организованно салютовать. Начали мы стрелять по команде залпами. Красиво, душевно!

Лицо ветерана говорит само за себя — помолодел, глаза засияли. А мне не терпится узнать, при каких обстоятельствах солдат внутренних войск сменил свою фуражку на зелёную. Спросил:

— Как судьба привела вас в пограничные войска?

— Отслужил я в МВД в общей сложности шесть лет. В том числе и в Петергофе служил, под Ленинградом, в суворовском училище. Мать с Урала написала: «Валера, тяжело здесь жить. Служи, не возвращайся пока». Предложили мне поступить в Саратовское училище МВД. Я не возражал, но сомнения, конечно, были. Образования маловато. Рискнул. Приняли. По окончании училища в 1953 году был распределён в 105-й погранполк в Германию. Вот так и начал носить зелёную фуражку.

Внимательно всматриваюсь в глаза полковника-пограничника. Знаю не понаслышке, что такое граница. Солдатскую лямку я тянул в горах Тянь-Шаня в конце семидесятых. Но и служил-то всего ничего — два года. А Валерий Павлович посвятил границе всю жизнь. Десятилетиями оставался на острие противостояния государств.

— Валерий Павлович, где пришлось служить после Германии?

— В 1963 году перевели меня в Брестский погранотряд на отдельный контрольно-пропускной пункт. Много лет отдано службе в Белоруссии. Бывал в гостях на именной заставе имени Алексея Новикова, пермяка. Всякое по службе случалось. Сам знаешь, у пограничников спокойной службы не бывает. В 1973 году начал



Подполковник в отставке, руководитель объединения «Юные друзья пограничников» В. Н. Кудрин с воспитанниками (фото с сайта www.mauk-raduga.ru/pogran.php)



Полковник В. П. Кадочников (фото с сайта www.raionka.perm.ru/zarya/?page=news&id=2989)

службу в Краснознамённом восточном пограничном округе. Только вникнешь в обстановку, как переводят на новое место службы. Так и менялись: Алма-Ата, Ош, Фрунзе (ныне — Бишкек), командировки в ДРА. Все задачи выполнял успешно. Не скрою, бывало так тяжело, что рука тянулась писать рапорт на увольнение. Имел право выйти на пенсию по выслуге лет, фронтовик, но старшие командиры не раз уговаривали остаться.

Не звучало бравлады в воспоминаниях человека. Рассказывал, вздыхая, как приходилось постоянно срывать в заграничные командировки, когда жене толком ничего не объяснишь. Награды на военном ките лежали полковника — свидетельство отваги и доблести.

— Валерий Павлович, когда вы со службой расстались?

— В 1982 году вышел на пенсию с должности старшего инструктора политотдела округа. Работал и жил поначалу в Бишкеке. В начале девяностых переехал с семьёй на жительство в Пермскую область. Спасибо Президенту! Не обижает ветеранов вниманием, заботой. Меня часто приглашают выступить в школах, на городских митингах, среди молодёжи, на встречах ветеранов. Не отказываюсь, хотя годы здоровья не прибавляют. Держусь.

— Держитесь, дорогой Валерий Павлович!

Беседа наша затянулась. Но пришло время прощаться. Из Верещагино мы с Виктором Николаевичем Кудриным уезжали в Пермь в приподнятом настроении: всё намеченное удалось.

Для меня поездка эта особенно дорога. Состоялась встреча с легендарным ветераном-пограничником Валерием Павловичем Кадочниковым, услышал я интереснейшие воспоминания ветерана погранслужбы Виктора Николаевича Кудрина. Оба — пример верности Присяге, преданности военной службе, зелёной фуражке. Они и сегодня ходят рядом с нами, трудятся по мере сил, держа планку ответственности за настоящее и будущее. Оба молоды душой. На них остаётся равняться. И помнить, какой высочайшей ценой была завоевана свобода и независимость нашей Родины.

КРАЕВАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА «ПЕРМСКИЙ ПИСАТЕЛЬ» № 2 (20), 2016 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Пермская краевая общественная организация Союза писателей России Газета «ПЕРМСКИЙ ПИСАТЕЛЬ» зарегистрирована Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Пермскому краю. Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 59-0576 от 26.08.2011. Главный редактор — В. В. Якушев

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. А. Богомолов — отдел прозы
В. Ф. Гладышев — отдел публицистики
А. Г. Гребнев — отдел поэзии
А. С. Зеленин — отдел детской литературы
Ответственный секретарь — А. С. Зеленин

АДРЕС РЕДАКЦИИ / ИЗДАТЕЛЯ:

614000, г. Пермь, ул. Сибирская, 30, Дом писателя. Телефоны: 8 (342) 212 14 97, 212 43 28. E-mail: permsprossii@rambler.ru

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Все материалы принимаются в электронном виде.

Подписано в печать 04.04.2016. По графику: 16.00.

Фактически: 16.00.

Газета отпечатана в ООО «Кунгурская типография»:

Пермский край, 617475, г. Кунгур, ул. Кривулинская, 7.

Заказ № 1682. Тираж 1000 экз.

Газета распространяется бесплатно.